

УТВЕРЖДАЮ

Директор МБУ ДО ДЮОЦ «Галактика»

Е.И. Шалимова

«04» октября 2023 г

ПОЛОЖЕНИЕ конкурса чтецов «Педагогам посвящаем!»

1. Общие положения

- 1.1. Настоящее Положение регламентирует порядок проведения **конкурса чтецов «Педагогам посвящаем!»**, (далее – Конкурс).
- 1.2. Организатор Конкурса – МБУ ДО ДЮОЦ «Галактика» (далее – организатор).
- 1.3. Конкурс посвящён Году педагога и наставника.

2. Цель и задачи

- 2.1. Цель: содействие повышению имиджа профессии учителя, педагога – наставника.
- 2.2. Задачи:
 - пропаганда лучших образцов отечественной художественной литературы;
 - поддержка творческих способностей детей;
 - содействие повышению имиджа профессии учителя, педагога – наставника.

3. Учредитель конкурса

- 3.1. Учредителем Конкурса является МБУ ДО ДЮОЦ «Галактика»
- 3.2. Учредитель создает Оргкомитет и экспертные комиссии для рассмотрения представляемых работ.
- 3.3. Общее руководство и контроль над проведением Конкурса осуществляет Оргкомитет.
Оргкомитет Конкурса:
 - принимает решение о Порядке проведения Конкурса;
 - определяет условия, сроки, этапы проведения Конкурса;
 - определяет критерии оценки работ;
 - осуществляет руководство за организацией Конкурса.
- 3.4. Прием работ строго с 25 октября до 27 октября 2023 года (до 16.00).
- 3.5. Работа экспертной комиссии с 30 по 1 ноября 2023 года.
- 3.6. Рассылка электронных дипломов со 2 ноября 2023 года.

4. Участники конкурса

- 4.1. Возрастные категории участников:

- 5- 6 лет;
- 7- 9 лет;
- 10-12 лет;
- 13-15 лет;
- 16-18 лет;
- Дети с ОВЗ.

5. Условия проведения

- 5.1. Конкурс проводится дистанционно: участникам необходимо записать видео продолжительностью не более 3 минут с чтением наизусть стихотворных или прозаических произведений (отрывков), посвящённых профессии учителя. Тексты рекомендуемых произведений размещены в Приложении №2.
- 5.2. Участники записывают видеоматериал своего выступления, размещают его на Яндекс-диске или Ютуб и присылают ссылку на электронную почту: mdc-tur@mail.ru , с пометкой в теме письма: «Чтецы. ФИ ребенка. Возраст. ОУ. ФИО руководителя» (пример: «Чтецы. Иванов Иван.12 лет. МБОУ СОШ №3. Васильева Нина Ивановна») + заявка в Ворде (форма заявки смотри в приложении).
- 5.3. Сроки приема работ устанавливаются в соответствии с датами проведения конкурсов, работы, присланные по завершению конкурса - не рассматриваются.
- 5.4. Продолжительность выступления - до 3 минут.
- 5.5. Коллективное прочтение стихов не допускается! (кроме детей категории - дети с ОВЗ).

6. Требования к предоставляемым работам

- 6.1. Для участия в конкурсе принимаются видеоролики с записью выступления участника. Участникам предлагается прочесть стихотворения об учителях, педагогах, воспитателях детского сада, поздравления учителям, педагогическим работникам.
ОРГАНИЗАТОРЫ НЕ НЕСУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА:
 - 1.сбои либо неполадки в работе компьютерных сетей, сетей связи и передачи данных;
 2. невозможность участников Конкурса ознакомиться со списком победителей и призеров Конкурса по любым причинам, не связанным с организаторами

7. Критерии оценки

- 7.1. Экспертный совет оценивает выступление участников по следующим критериям:
 - соответствие теме и цели конкурса;
 - безупречное знание текста;
 - выразительность и чёткость речи;
 - эмоционально-экспрессивная окрашенность выступления;
 - оригинальность исполнения;

- актерское мастерство и искусство перевоплощения;
- сценическая культура чтецов.

7.2. Результат определяется путем суммирования всех баллов, выставленных каждым членом жюри.

Решение жюри окончательно, обсуждению и пересмотру результатов не подлежит.

8. Подведение итогов

8.1. В соответствии с критериями оценки определяются победители в каждой возрастной группе с присуждением 1, 2, 3 мест. Организатор оставляет за собой право учредить дополнительные номинации, а также не присуждать призовых мест.

8.2. Победители Конкурса будут награждены грамотами.

Справки по телефону: 84955864411 (понедельник - пятница с 10.00 до 16.00) Цыбулина Оксана Анатольевна

ЗАЯВКА

на участие в конкурсе чтецов «Педагогам посвящаем!»

Фамилия и имя участника, возраст

Автор и название произведения

Полное название, номер, адрес образовательного учреждения

ФИО, должность педагога/родителя, телефон, адрес электронной почты

Поэтические произведения об учителях

* * * *С. Викулов*
 Учитель... Слово—то какое!
 Учитель! Вот они бегут
 Тропиночкой под—над рекою,
 Воробышки, что меж собою
 Тебя учителем зовут.
 Бегут. Румянятся их лица.
 А в сумочках — карандаши,
 Тетради... и ещё частица
 Твоей — на всех одной — души.
 Который год — ах, трудно, право,
 И вспомнить: годы—то летят! —
 Ты перед этою оравой
 Встаёшь... который год подряд!
 О, сорок пять минут урока!
 О, радость полной тишины!
 Когда, распахнуты широко,
 Глаза к тебе устремлены!
 Доверчиво и беззащитно
 Глядят они. И ты в кругу
 Тех синих, карих глаз, учитель,
 Как на некошеном лугу.
 Они опять полны вниманья,
 Они любви к тебе полны.
 Они всё видят! Только ранней
 Твоей не видят седины...

* * * *К. Ибряев*
 Когда вы к звёздам помчитесь,
 Взметнув голубое пламя,
 Ваш первый школьный учитель
 Будет незримо с вами.
 Вы заново с ним открыли
 Родную нашу планету;
 И он подарил вам крылья,
 Предвидя минуту эту.
 Сказка? Да, нет, не сказка,
 Всё надо вспомнить сначала:
 И то, как его указка
 Волшебной палочкой стала;
 И то, как раскрыв учебник,
 Вы будто раскрыли ставни...
 Учитель всегда волшебник
 И в то же время — наставник.
 Он ваш проводник бесслесный,
 Ваш спутник добрый и строгий,
 На перекрестках Вселенной,
 На каждой земной дороге.
 Вы знали, что жизнь ваша будет
 Стремительна и светла.
 Но если вас хвалят люди,
 Это и ему похвала.

Учитель *Н. Карпов*
 Я не работал у станка

Не задыхался у мартена,
 И от гудка и до гудка
 Меня не поглощала смена.
 Я ничего не произвёл —
 Ни паровоза, ни детали,
 И мой простой рабочий стол
 Сравнится с фабрикой едва ли.
 Но по утрам вхожу я в класс,
 Своё задание решаю,
 И семь десятков детских глаз
 Меня безвольно вопрошают.
 К доске неспешно подхожу,
 Черчу окружности и призмы.
 Что я в детей сейчас вложу,
 С тем и пойдут они по жизни.
 Моя работа нелегка
 И, коль не оправдал надежды,
 Назавтра встанут у станка
 И лоботрясы и невежды.
 Стоит глубокая зима
 Я, как строитель белых зданий,
 Кладу высокие дома
 Из кирпичей незримых — знаний!

Наставникам *Ю. Ким*
 Не вечна жизнь. Недолог срок людской.
 Уходят ветераны на покой.
 Мы благодарны им за честный труд.
 Их знания и опыт не умрут.
 Старению и годам вопреки
 За старшими идут ученики.
 Идут года. Вращается Земля.
 Растят учеников учителя.
 Их мудрый взгляд и добрая рука —
 Учебник главный для ученика.
 Бессмертно дело, непрерывна нить.
 Придут старейших юные сменить.
 И примут на оставленном посту
 Учителей надежду и мечту.
 И потому так заповедь крепка:
 «Учитель, воспитай ученика!»

Родной человек *М. Садовский*
 Учитель, дни жизни своей, как один,
 Ты школьной семье посвящаешь,
 Ты всех, кто учиться к тебе приходил,
 Своими детьми называешь.
 Но дети взрослеют, от школьной скамьи
 Дорогами жизни шагают
 И в памяти носят уроки твои,
 А в сердце тебя сохраняют.
 Любимый учитель, родной человек,
 Будь самым счастливым на свете,
 Хоть трудно порой достаются тебе
 Твои непослушные дети.

Ты дружбой и знаниями нас наградил,
Прими благодарности наши!
Мы помним, как в люди ты нас выводил
Из робких смешных первоклашек.

Учитель, воспитай ученика! *Б. Левин*

Мне с юности запомнилась строка,
С которой не могу не согласиться:
«Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться!».
Я благодарен всем учителям.
Их было, к сожалению, немного,
Кто наставлял, учил и направлял
И указал мне к знаниям дорогу.
Потом пришла пора учить других,
Всегда готовых задавать вопросы,
Упрямых, любопытных, молодых,
Весьма самоуверенных «барбосов».
Ответишь им — и поумнел слегка,
Обсудишь — и проблема разрешится.
Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться!
Я многому учился у друзей:
Спокойствию, достоинству и чести.
В походе с ними было веселей,
И главное — работать легче вместе.
А годы шли, судьба играла мной
И объяснила как-то в день весенний,
Что, не поняв, уходят в мир иной
Защитники научных заблуждений.
Мысль с возрастом становится мелка.
Чтоб новь освоить, надо вновь родиться.
Так вот и воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться!
Я многому учился у жены:
Терпенью и семейному уюту.
А дети рассказали про штаны,
Про моду, калькулятор и компьютер.

Давно ли в карты с бабушкой играл?
Но самому уже не восемнадцать,
И, судя по всему, пришла пора
Вовсю учиться с внуками общаться.
Учить других куда как нелегко!
А жизнь идёт, и надо торопиться.
Успеть бы воспитать учеников,
Чтоб было у кого потом учиться!

* * *

В. Тушинова

В тот день светило солнце горячо,
Светло желтели клены за окном...
Ты, положив мне руку на плечо,
Сказала: «Ну, давай, дружок, начнём!»
Ты и тогда была уже седой,
С глубокими морщинами у глаз...
И вот мы в путь отправились с тобой,
И ты с тех пор не покидала нас.
Учила буквы складывать, считать,
Цветы растить и бабочек ловить,

На всё смотреть и всё запоминать.
И всё родное, русское, любить.
Прошли года. Твои ученики
Рассыпались по всей большой земле:
Кто строит ГЭС на берегу реки,
Кто командиром стал на корабле.
А ты всё так же утромходишь в класс
Рассказывать про реки и моря.
Ты, с добрыми морщинками у глаз, —
Учительница первая моя.
Ты самым слабым говоришь: «Держись!»
Ты им помочь готова всей душой...
И снова чья-то маленькая жизнь
В твоих руках становится большой.

Наши учителя *К. Ибряев*

Не за горами и лесами
Живут волшебники сейчас.
Они приходят в школу с нами —
Вернее — чуть пораньше нас.
Метёт ли снег, шумит ли осень,
Срывая жёлтую листву,
Они всегда с собой приносят
И щедро дарят нам весну.
Мы с ними заново открыли
И звёздный мир, и даль Земли.
Они мечтой нас окрылили,
Сердца отвагою зажгли.
Кто строит в тундре город-солнце,
Меняет вечный путь реки?
Конечно, это их питомцы,
Конечно, их ученики.
Мы понимаем, видим сами,
Как дорог им любой наш класс,
Как им бывает трудно с нами
И как ещё трудней без нас.
Метёт ли снег, шумит ли осень,
Срывая жёлтую листву,
Они всегда с собой приносят
И щедро дарят нам весну.

Учителей любимые глаза *И. Резник*

Из года в год морозным, зимним вечером
И майским днём, прозрачным как роса,
Встречаем мы открыто и доверчиво
Учителей любимые глаза.
Вы целый мир открыли удивительный,
Чтоб было нам легко на свете жить.
И если мы вас чем-нибудь обидели,
Простите, если можете простить.
Случится так, что в нашу биографию
Ворвётся вдруг нежданная беда —
Сойдёте вы со школьной фотографии
И с нами рядом будете всегда.
И как забыть, что в горести и радости
Вы нам несли свой вечный непокой?
И каждый раз в минуты нашей слабости
Так верили нам, как никто другой.

Пускай нас ждут пути–дороги разные,
Мы не забудем нашу школу, этот класс.
Вы научили нас любить прекрасное,
Поэтому мы очень любим вас!

Твой друг Я. Аким

Есть у тебя хороший друг,
Надёжней друга нет.
Спроси про север и про юг,
Про то, что у тебя вокруг, —
На всё он даст ответ.
Ты помнишь, как пришёл он в класс?
Решили все: суров!
Но сколько он нашёл для вас
Простых, понятных слов!
Тебе за партой одному
Задачу объяснял.
Помог соседу твоему
И драчунов разнял.
А помнишь, вас повёл в поход
С утра, в седьмом часу?
Какая птица как поёт,
Рассказывал в лесу.
Осенний вечер наступил.
Ты лёг уже в постель...
Учитель только что раскрыл
Тяжёлый свой портфель.
Ты крепко–крепко спишь сейчас,
Ты нагляделся снов.
А он, под лампою склонясь,
Похвалит: «Пять» на этот раз,
Серёжа Иванов!»
Хороших вырастил ребят
Твой друг за много лет.
Его теперь благодарят
Колхозник и поэт,
Учёный знатный, горновой,
Артист и лётчик боевой...
Надёжный друг —
Учитель твой!

Наша учительница З. Александрова

Вышло солнышко недавно,
Растопив на окнах лёд.
К нам Татьяна Николавна
Из учительской идёт.
В платье новое одета,
С толстой книжкой в руке.
Видит яркие букеты
И восьмёрку на доске.
Класс окидывает взглядом,
Дорогих своих ребят.
«Я, ребята, очень рада», —
Говорит смущённый взгляд.
В этот день, восьмого марта,
Сразу в памяти встаёт —
Ведь она за крайней партой
Провела здесь первый год.

И мечтала, кончив школу,
Возвратясь в неё опять,
Малышей растить весёлых,
Их учительницей стать.
В первый раз она, робея,
На урок пришла сюда.
Малыши сдружились с нею
Класс вести она умеет —
Ничего, что молода!
И добра, и справедлива.
Хоть и строгая на вид.
Если выйдет буква криво,
Переписывать велит.
И шагают буквы плавно,
Строятся в отряды строк,
А Татьяна Николавна
Продолжает свой урок.

Песня об учителе О. Высотская

В светлый утренний час
В свой приветливый класс
Мы приходим в положенный срок.
Там встречает ребят
Добрый, ласковый взгляд —
Начинает учитель урок.

Он для нас никогда
Не жалеет труда,
Чтоб помочь нам умнеть и расти.
Как заботливый друг,
Он в просторы наук
Открывает пред нами пути.
В нашей школе родной
Узнаём мы с тобой,
Как с хорошею книгой дружить,
Как в труде не отстать,
Как полезными стать
И Отчизне великой служить.
Быстро дни пробегут, и года протекут, —
Мы умчимся, как стая орлят.
Мы расстанемся с ним,
Но в душе сохраним
Мы учителя нашего взгляд.

Учитель Н. Кнушевицкая

В городах больших и сёлах
По утрам звенит звонок,
И спешат ребята в школу.
Начинается урок.
На учителя пытливо
Смотрит столько разных глаз!
Отвечает терпеливо
Он на сто вопросов в час.
Почему заходит солнце?
Где ночует бегемот?
Слон когда–нибудь смеётся?
Дождик отчего идёт?
И учитель всё расскажет:
И про дождь, и про слонов.

Он вам опыты покажет
И в музей вести готов.
И проверит он в тетрадках,
Как пример смогли решить.
И приучит вас к порядку,
Ведь неряхой стыдно быть.
Если трудно, он поможет,
Непонятно — объяснит.
Драчунов вихрастых тоже
Очень быстро примирит.
Вот он снова начинает
На уроке свой рассказ.
Стены класса исчезают —
В джунглях ходите сейчас.
Попугаи здесь порхают,
Из ветвей удав глядит,
Обезьянки загорают,
Крокодил зелёный спит.
А потом перенесёмся
Сразу за Полярный круг
И тюленю улыбнёмся:
Далеко забрался, друг!
Нет, учитель не волшебник,
Просто должен много знать.
Не ленитесь же учебник
Тоже чаще открывать.
Вырастет из нас строитель,
Космонавт — лишь дайте срок.
А пока опять учитель
В класс приходит на урок.

Проводы *К. Стрельникова*

— Зайка! — сказала мама.
— Мямля! — сказал отец.
— Нельзя опаздывать в школу.
— Иди уже наконец!
Никто тебя не укусит,
Ты нам позвони, если что.
И кстати, во время экскурсий
Наматывай шарф на пальто.
Желаем хороших оценок.
С ребятами подружись.
Во время больших переменок
Ты лучше вдоль стенок держись.
В столовой питайся горячим.
Не ной. Не теряй ключи.
Держи свой портфель. Удачи!
Иди и детей учи!

На уроке географии *Е. Тараховская*

Умолк звонок весёлый,
Настал урока час,
И вот притихла школа —
Вошёл учитель в класс!
Он тронул глобус пальцем —
И в классе у окна
Вдруг начала плескаться
Зелёная волна.
Вот встали горы горбась,

Вот лес встаёт стеной,
И превратился глобус
В огромный шар земной.
За горною породой,
За углем и рудой
Ведёт ребят в походы
Учитель молодой.
От Крыма до Чукотки —
Он знает путь любой,
Он лёгкою походкой
Ведёт их за собой.
Глядят, глядят ребята,
Не отрывая глаз,
И прямо в море пятый
Отчаливает класс!
Не парта, а байдарка,
Не ручка, а весло...
И в летний полдень жаркий
Их в море унесло.
Весь класс своим рассказом
Учитель увлечёт.
Вот все ребята разом
Садятся в самолёт...
Здесь радугой-дугою
Встаёт огромный мост,
Там школа над рекою
В семиэтажный рост.
Вот за оградой сада
Работает народ.
Вот старый виноградарь,
Вот мальчик-садовод.
Блестит река седая,
Чернеет целина,
Раскинулась без края
Большая, молодая
Любимая страна...
Звенит звонок весёлый —
Окончен школьный час,
И приземлился в школе
Московский пятый класс.

*** *С. Махотин*

Мы взяли приёмник,
Расселись по лавкам.
Звучит на весь парк
Концерт по заявкам.
Торжественно диктор читает слова:
«Надежде Петровне от пятого «А»...».
Мы ей поздравленьё
Полдня сочиняли,
Садились, бросали
И вновь начинали,
Потом ещё спорили несколько дней,
Какая из песен понравится ей.
И вот исполняются
«Школьные годы».
А нам вспоминаются
Наши походы,
Промокшие кеды,

Туман на реке
И крепко заваренный чай в котелке.
Воскликнул Сапожников,
Кепку подбросив:
– Надежда нас завтра,
наверно, не спросит?.. –
Мы все поглядели на кепку в пыли
И тихо уроки учить побрели.

Тетрадки и загадки *А. Шибает*

Пришёл из школы Лев Кузьмич,
Стал проверять тетрадки.
И целый вечер Лев Кузьмич
Отгадывал загадки!
Он долго думал, например,
Раскрыв тетрадку Тани:
Что это значит: «Пионер
Играет на баране»?..
Ах, неужели гвозди
Вбивают... молоком?!

(Написано у Кости
О чуде о таком.)
А кто-то тяпкой вытер стол!
(Ах, неужели тяпкой?)
А кто-то каской красит пол!
(Напрасно. Лучше — шапкой.)
А кто-то пишет: «Наш каток —
Такой хороший, гадкий»...
— Ай-ай! — промолвил педагог
И отложил тетрадки.—
Не бред ли это?
Ясно — бред!
Здоров ли я?
Наверно, нет... —
И лоб пощупал он тайком,
И заспешил к дивану.
И слышит: кто-то молоком
Колотит по барану!

Отрывки из художественных произведений об учителях

Из рассказа «Зимний дуб», Ю. Нагибин

Свежий, напоенный светом январский денёк будил радостные мысли о жизни, о себе. Всего лишь два года, как пришла она сюда со студенческой скамьи, и уже приобрела славу умелого, опытного преподавателя русского языка. И в Уваровке, и в Кузьминках, и в Черном Яру, и в торфогородке, и на конезаводе — всюду её знают, ценят и называют уважительно: Анна Васильевна.

Над зубчатой стенкой дальнего бора поднялось солнце, густо засинив длинные тени на снегу. Тени сближали самые далёкие предметы: верхушка старой церковной колокольни протянулась до крыльца Уваровского сельсовета, сосны правобережного леса легли рядом по скосу левого берега, ветроуказатель школьной метеорологической станции крутился посреди поля, у самых ног Анны Васильевны.

Навстречу через поле шел человек. «А что, если он не захочет уступить дорогу?» — с веселым испугом подумала Анна Васильевна. На тропинке не разминешься, а шагни в сторону — мигом утонешь в снегу. Но про себя-то она знала, что нет в округе человека, который бы не уступил дорогу уваровской учительнице.

Из рассказа «Ещё мама», А. Платонов

Аполлиария Николаевна посадила Артёма на стул, обмыла его ногу тёплой водой из таза и перевязала красное пятнышко — шипок гусака — белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала Аполлиария Николаевна. — Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артём. — Она олады печёт!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артём в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошёл учиться, значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артём.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, — сказал Артём.

— Ладно уж, чуть-чуть, — согласилась учительница. — Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его к себе на руки и понесла в класс. Артём боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», — подумал Артём.

Из рассказа «Вы меня губите!», Ю. Топин

К физкультуре можно было не готовиться.

С географией Костя справился. С арифметикой тоже. И только на литературу не хватило времени: проиграл в шпионы. Конечно, если подумать, то именно задание по литературе нужно было подготовить в первую очередь. Тогда можно было бы спокойно ждать Владимира Ивановича.

С Владимиром Ивановичем шутки плохи. Нет, не так... С ним шутки хороши. Или нет... Короче говоря, разговаривать он умеет не хуже Кости. Даже лучше. И разозлить его невозможно. Никогда не кричит, а все слушаются — даже странно.

Косте, например, самому было удивительно, что он слушается Владимира Ивановича. Как-то всё само собой получается — не хочешь даже, а слушаешься. Так было с самого начала.

К доске Владимир Иванович вызывал редко, и только ленивых. Обычно он расхаживал по классу и разговаривал, просто разговаривал. И всё время задавал вопросы. Ему отвечали с места. И всегда получалось так, что неверный ответ поправляли сами ребята. А когда разгорался спор, Владимир Иванович садился за стол и слушал. Ему нравилось слушать, как ребята спорят. А в конце урока человек пять или шесть получали отметки. Обычно уроки литературы проходили шумно. Поэтому всегда можно было узнать, кто не подготовился. Они сидели тихо.

Из рассказа «Фотография, на которой меня нет», В. Астафьев

К весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идёт на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из берёзы делают фанеру; из хвойных пород — он так и сказал, — не из лесин, а из пород! — изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек.

Но и мы тоже знали лес, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы научили его копать и есть корни саранок, жевать листовничную серу, различать по голосам птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться оттуда, в особенности как спастись от лесного пожара, как выйти из страшного таёжного огня.

Прошли годы, много, ох много их минуло. А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперёд и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали нашего учителя Евгений Николаевич, а вот фамилии учителя никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживёт до такой почести, как наш учитель, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого он жил, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька.

Из рассказа «Тринадцатый подвиг Геракла», Ф. Искандер

Но вот Харламий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать её. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвётся от своих чёток или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встает и смотрит на Харламия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Из рассказа «Первый урок», И. Метгер

Миша вспомнил вдруг, как несколько лет назад — кажется, в седьмом классе — Вера Евграфовна не могла попасть на свой урок, потому что он запер дверь класса на замок изнутри. Она стучалась, ребята, зажав руками рты, притихли и не отпирали. Потом пришёл завуч со слесарем. Потом было классное собрание. Потом он бегал смотреть в щёлку учительской, как Вера Евграфовна пила валерьянку...

И сейчас, через столько лет, душа его вдруг заныла от жалости к этой худенькой старушке, на уроках которой играли в военно-морской бой и очень громко и глупо острили... Ему захотелось сказать ей сейчас, что это он тогда запер дверь класса и, как ему казалось тогда, что это очень остроумно

придуманно, а сейчас ему стыдно и он боится, как бы ученики не поступили с ним точно так же. И оттого, что он представил себе орущий класс, бессмысленно разинутые рты и себя стоящим у преподавательского столика, у него тоненько задрожало что-то внутри и уже не переставало дрожать и биться до самого звонка.

Из повести «Первый учитель», Ч. Айтматов

Думаю я сейчас об этом и диву даюсь: как этот малограмотный парень, сам с трудом читавший по слогам, не имевший под рукой ни единого учебника, даже самого обыкновенного букваря, как он мог отважиться на такое поистине великое дело! Шутка ли учить детей, чьи деды и прадеды до седьмого колена были неграмотны.

Дюйшен учил нас так, как умел, как мог, как казалось ему нужным, что называется, по наитию. Но я больше чем убеждена, что его чистосердечный энтузиазм, с которым он взялся за дело, не пропал даром.

Сам того не ведая, он совершил подвиг. Да, это был подвиг, потому что в те дни нам, киргизским детям, нигде не бывавшим за пределами айла, в школе, если можно так назвать ту самую мазанку с зияющими щелями, через которые всегда были видны снежные вершины гор, вдруг открылся новый, неслышанный и невиданный прежде мир...

Именно тогда мы узнали, что город Москва, где живёт Ленин, во много-много раз больше, чем даже Ташкент, и что есть на свете моря, большие-большие, как Таласская долина, и что по тем морям плавают корабли, громадные, как горы. Мы узнали о том, что керосин, который привозят с базара, добывается из-под земли.

Из повести «Первый учитель», Ч. Айтматов

Будь у меня родной брат, я и его, пожалуй, не ждала бы с таким нетерпением, как ждала возвращения Дюйшена. Тайком, чтобы не заметила тётка, я то и дело выбегала на задворки и подолгу глядела в степь на дорогу: когда же покажется учитель с котомкой за спиной, когда же я увижу его улыбку, согревающую сердце, когда же услышу его слова, приносящие знание.

Среди учеников Дюйшена я была самой старшей. Возможно, поэтому я и училась лучше других, хотя, мне кажется, не только поэтому. Каждое слово учителя, каждая буква, показанная им, — всё для меня было свято. И не было для меня ничего важнее на свете, чем постигнуть то, чему учил Дюйшен. Я берегла тетрадь, которую он дал мне, и потому выводила буквы острием серпа на земле, писала углём на дувалах, прутиком на снегу и на дорожной пыли. И не было для меня на свете никого учнее и умнее Дюйшена.

Дело шло к зиме.

До первых снегов мы ходили в школу вброд через каменистую речку, что шумела под бугром. А потом ходить стало невмоготу — ледяная вода обжигала ноги. Особенно страдали малыши, у них даже слезы навёртывались на глаза. И тогда Дюйшен стал на руках переносить их через речку. Он сажал одного на спину, другого брал на руки и так по очереди переправлял всех учеников.

«Жил-был учитель», Э. Мошковская

Жил-был учитель.

Это был грустный учитель, потому что он был один.

Он был один, потому что не имел учеников.

- Вам надо пойти в школу! – сказали они ему.

- Но я уже ходил! – сказал он. – Я уже ходил в школу, когда был маленький и ещё ничего не знал.

- А вы пойдите теперь, когда вы большой и всё-всё знаете.

- Но раз я всё-всё знаю, для чего же мне идти в школу?

- Для того, чтобы другие узнали то, что знаете вы!

И, знаете, он пошёл.

И он учил читать, и писать, и считать, и рисовать, и даже петь!

И тогда его спросили:

- Ну, а теперь вам грустно или весело?

- Мне некогда! – весело ответил Учитель. – Извините, пожалуйста, мне надо бежать на урок!

«Вода из реки Лимпопо», К. Паустовский

На столе в классе стояли залитые сургучом бутылки с желтоватой водой. На каждой бутылке была наклейка. На наклейках кривым старческим почерком было написано:

«Вода из Нила», «Вода из реки Лимпопо», «Вода из Средиземного моря».

Мы приставали к учителю географии Черпунову, чтобы он разрешил нам попробовать воду из Мёртвого моря. Нам хотелось узнать, действительно ли она такая солёная. Но пробовать воду Черпунов не позволял.

Низенький, с длинной, почти до колен, серой бородой и узкими глазами, Черпунов напоминал колдуна. Недаром и прозвище у него было Черномор.

Черпунов всегда притаскивал на уроки всякие редкости. Больше всего он любил приносить бутылки с водой. Он рассказывал, как сам набирал нильскую воду около Каира. И очень гордился водой из реки Лимпопо. Её прислал Черпунову в подарок бывший его ученик.

Чтобы мы лучше запоминали всякие географические вещи, Черпунов придумал наглядный способ. Так, он рисовал на классной доске большую букву А. В правом углу он вписывал в эту букву второе А, поменьше, в него - третье, а в третье - четвёртое. Потом он говорил:

- Запомните: это - Азия, в Азии - Аравия, в Аравии - город Аден, а в Адене сидит англичанин.

Мы запоминали это сразу и на всю жизнь.

Из повести «Зимородок», Ю. Яковлев

В большой землянке были низкие, давящие потолки, а две коптилки, сделанные из медных артиллерийских гильз, стояли на столе и высвечивали небольшое пространство и классную доску, настоящую классную доску. Парты тоже были настоящие: видимо, их вывезли из уцелевшей школы. Но они казались очень маленькими и тесными, потому что за ними сидели здоровые дяди. Некоторые бородатые. При свете коптилок эти бороды выглядели как-то зловеще. Еще коптилки освещали лицо учительницы, молодое, удивительно красивое. Гладкие черные волосы были заплетены в косу. Учительница выглядела очень молодой, а ученики очень старыми, хотя были они одногодками.

— Послушай, Зимородок, ты сколько классов кончил? — спросила учительница.

— Восемь.

— А мы за пятый класс проходим. Зачем ты пришёл?

— Учиться хочется! Я и в школе любил учиться. Честное слово! Каждый день узнаешь новое. Решаешь задачу, которую вчера не мог решить. В первый раз читаешь стихи, и кажется, Лермонтов написал их специально для тебя, еще чернила не высохли...

Бородачи притихли. А молоденькая учительница слушала с широко открытыми глазами.

— По-моему, когда человек перестает учиться, он перестает жить.

Из рассказа «У классной доски», Л. Кассиль

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у неё руки поют. Движения у неё были мягкие, неторопливые, округлые, и, когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы, и рука пела, рука объясняла всё, что оставалось непонятым в словах. Ксении Андреевне не приходилось повышать голос на учеников, ей не надо было прикрикивать. Зашумят в классе, — она подымет свою лёгкую руку, поведёт ею — и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

— Ух, она у нас и строгая же! — хвастались ребята. — Сразу всё замечает...

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна. Сельские милиционеры отдавали ей честь на улице и, козыряя, говорили:

— Ксения Андреевна, ну как мой Ванька у вас по науке двигает? Вы его там покрепче.
— Ничего, ничего, двигается понемножку, — отвечала учительница, — хороший мальчуган. Ленился вот только иногда. Ну, это и с отцом бывало. Верно ведь?

Милиционер смущённо оправлял пояс: когда-то он сам сидел за партой, и отвечал у доски Ксении Андреевне, и тоже слышал про себя, что малый он неплохой, да только ленится иногда... И председатель колхоза был когда-то учеником Ксении Андреевны, и директор машинно-тракторной станции учился у неё. Много людей прошло за тридцать два года через класс Ксении Андреевны. Строгим, но справедливым человеком прослыла она.

Из рассказа «Сигнальщики и горнисты», А. Алексин

Я сравнивал фотографию на стене с женщиной, которая стояла рядом.

— Величественно я выглядела, не правда ли?

— Выглядели, — ответил я.

— Знаешь, как именовал меня один ученик? Он именовал меня классной руководительницей. Делал ударение на первом слове — и оно становилось оценкой. Теперь руководить нечем. А я привыкла! Лицом она была не вполне такой, как на фотографии, а фигура осталась по-прежнему властно прямой, статной. Голосом она обладала густым, не потрескавшимся от времени. Все в ней было добротное и ладное. И лишь цвет лица был серовато-увядшим.

— Классная руководительница — это был мой чин, — продолжала Екатерина Ильинична. — А было еще и прозвище... Екатерина Великая! Эпитет мне льстил. Но в сочетании с именем... получилось нечто самодержавное. И я отучила так меня называть! Пожертвовала уроком своей родной математики и совершила небольшой экскурс в историю. Я нарисовала такой портрет царицы Екатерины, что сравнивать меня с ней стало попросту неудобно.

— Я слышал, вы сами придумывали ученикам прозвища?

— Считала это разумным. «Раз уж прозвища неизбежны, надо их держать под контролем, — решила я. — А еще спокойнее — сочинять самой!» Ты согласен? Я слушаю... Отвечай.

Из «Повести о жизни», К. Паустовский

Это был человек мягкий и талантливый. Он «промыл» перед нами русскую литературу, как опытные мастера-реставраторы промывают картины. Он снял с нее пыль и грязь неправильных и мелких оценок, равнодушия, казённых слов и скучной зубрежки. И она заиграла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой великой правдой, что многие из нас, уже взрослые юноши, были поражены.

От Селихановича мы узнали многое. Он открыл нам не только русскую литературу. Он открыл нам эпоху Возрождения и европейскую философию XIX века, сказки Андерсена и поэзию «Слова о полку Игореве». До тех пор мы бессмысленно вы зубривали наизусть его древнеславянский текст. Эта магическая сила была проста и доступна каждому. Называлась она знанием, одухотворенным любовью и воображением.

Мы переходили из одной эпохи в другую, из одних интереснейших мест в другие, не менее интересные. Изучая литературу, мы побывали с Селихановичем всюду — среди оружейников Тулы, в казачьих станицах на границе Дагестана, под морозящим дождем «Болдинской осени», в сиротских домах и долговых тюрьмах диккенсовской Англии, на рынках Парижа, в заброшенном монастыре на острове Майорке, где болел Шопен, и в безлюдной Тамани, где морской ветер шуршит стеблями сухой кукурузы.

Попутно Селиханович учил нас и неожиданным вещам — вежливости и даже деликатности.

